

Информация для цитирования:

Эйльбарт Н. В. Информационная война против Московского государства в Смутное время (на примере «Песни о тирании Шуйского») А. Владиславского) / Н. В. Эйльбарт // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 5. — С. 491—509. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-491-509.

Eilbart, N. V. (2025). Information War Against Moscow State During Time of Troubles: A Case Study of “The Song of the Tyranny of Shuysky” by A. Vladislavsky. *Nauchnyi dialog*, 14 (5): 491-509. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-491-509. (In Russ.).

Web of Science™

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**Информационная война
против Московского
государства
в Смутное время
(на примере «Песни
о тирании Шуйского»
А. Владиславского)**

Эйльбарт Наталия Владимировна
orcid.org/0000-0003-0021-073Xд-р
доктор исторических наук, профессор
ejlbart@mail.ru

Российский государственный
педагогический университет
им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Минпросвещения России
в рамках государственного задания
по теме «Образы героев в российской
педагогике» (проект № VRFY-2025-
0030)

**Information War
Against Moscow State
During Time of Troubles:
A Case Study of “The Song
of the Tyranny of Shuysky”
by A. Vladislavsky**

Natalia V. Eilbart
orcid.org/0000-0003-0021-073X
Doctor of History, Professor
ejlbart@mail.ru

The Herzen State Pedagogical
University of Russia
(St. Petersburg, Russia)

Acknowledgments:

The study was carried out with
the financial
support of the Ministry of Education
of the Russian Federation within
the framework of the state assignment
on the topic “Images of heroes in Russian
pedagogy” (project № VRFY-2025-0030)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проведено исследование информационной войны и пропаганды Речи Посполитой против Московского государства в Смутное время. В качестве иллюстрации данной проблемы рассматривается польский новостной листок 1609 года «Песнь о тирании Шуйского» из фондов Российской национальной библиотеки. Полный перевод «Песни ...» на русский язык впервые выполнен автором статьи. Установлено, что данное произведение написано польским шляхетским поэтом Адамом Владиславским (Вроцлавчиком). Отмечается, что «Песнь ...» призвана была убедить жителей Речи Посполитой в справедливости похода короля Сигизмунда III под Смоленск. Проводится анализ представлений о личности царя Василия Шуйского в произведениях его современников. Проведено сравнение свидетельств современников (иностранцев и российских) с текстом «Песни о тирании Шуйского». Сделан вывод, что личность царя в «Песни ...» демонизирована в пропагандистских целях. Подчеркивается, что из польско-литовских «новостных листов» культурно-политические стереотипы представлений о московских правителях и русском народе переходят на общеевропейский уровень, где остаются на протяжении последующих веков. Отмечается, что отголоски данных стереотипов мы наблюдаем в западной пропаганде и по сегодняшний день.

Ключевые слова:

новостной листок; Речь Посполитая; Московское государство; осада Смоленска; Сигизмунд III; Василий Шуйский; информационная война.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study investigates the information warfare and propaganda employed by the Polish-Lithuanian Commonwealth against the Moscow State during the Time of Troubles. As an illustration of this issue, the Polish news pamphlet from 1609, "The Song of the Tyranny of Shuysky," housed in the collections of the Russian National Library, is examined. The author provides a complete translation of "The Song..." into Russian for the first time. It is established that this work was authored by the Polish burgher poet Adam Vladislavsky (Wroclawczyk). The analysis highlights that "The Song..." aimed to persuade the inhabitants of the Commonwealth of the righteousness of King Sigismund III's campaign against Smolensk. The study further analyzes contemporary representations of Tsar Vasily Shuysky in the works of his contemporaries. A comparison is made between the accounts of contemporaries (both foreign and Russian) and the text of "The Song of the Tyranny of Shuysky." The findings suggest that the portrayal of the Tsar in "The Song..." is demonized for propagandistic purposes. It is emphasized that cultural and political stereotypes regarding Moscow rulers and the Russian people, originating from Polish-Lithuanian news pamphlets, transitioned to a broader European context, where they persisted for centuries. Echoes of these stereotypes can still be observed in Western propaganda today.

Key words:

news pamphlet; Polish-Lithuanian Commonwealth; Moscow State; siege of Smolensk; Sigismund III; Vasily Shuysky; information warfare.

УДК 94(47).045+94(438)

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-491-509

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история
5.6.2. Всеобщая история
5.6.7. История международных
отношений и внешней политики

Информационная война против Московского государства в Смутное время (на примере «Песни о тирании Шуйского» А. Владиславского)

© Эйльбарт Н. В., 2025

1. Введение = Introduction

На протяжении трех десятилетий XVI века, вплоть до похода Стефана Батория на Московское государство, главным источником представлений европейцев о России стали вышедшие в 1549 году знаменитые «Записки о Московии» барона Сигизмунда фон Герберштейна [Герберштейн, 2008]. Возглавленный Баторием почти «общеευропейский» поход на северо-запад России на заключительном этапе Ливонской войны из изначально вооруженного конфликта перерастает в гибридный: европейская сторона не приемлет соперников ни в культурном, ни в религиозном, ни в цивилизационном аспекте [Прохоренков, Эйльбарт, 2023, с. 432—448]. Это время следует считать рождением антимосковской пропаганды для широкого европейского читателя (все же труд Герберштейна был доступен скорее менее значительному кругу лиц), эпохой создания десятков произведений, обличавших и высмеивавших Россию прежде всего в лице ее государей, ибо данный прием являлся наиболее эффективным для цели формирования негативного образа Московии на Западе. Целое столетие, с конца XVI вплоть до конца XVII века, Европа черпает знание о России почти исключительно из польских источников [Таньшина, 2024, с. 128—136; Неменский, 2010, с. 24—37], важной частью которых становится непериодическая новостная печать.

В рассматриваемый период (на рубеже XVI—XVII веков) в Речи Посполитой информация политического характера распространялась при помощи непериодической печати — «летучих газет» («ярмарочных листков») — «улеток» (польск. *ulotka*), тексты которых в подавляющем большинстве носили поэтический характер и печатались по заказу и на средства той или иной заинтересованной политической группы или отдельными участниками таких групп. Стихи для большей убедительности сопровождались иллю-

страциями или пышными ренессансными или барочными орнаментами, кои и сами по себе представляют сегодня интерес в качестве изобразительного источника. Таким образом, политические «летучие газеты» являлись плодами деятельности нескольких создателей, не лишенных во всех смыслах художественного таланта, а посему могут рассматриваться специалистами разных отраслей: филологами, историками, историками искусства.

В коллекции «Россика» Российской национальной библиотеки (РНБ) под шифром 13.IX.2.877 хранится любопытный новостной листок, напечатанный в формате In-quarto в 1609 году (предположительно в Гданьске). Титульный лист его содержит название на старопольском языке «Pieśń o tyraństwie Szuyskiego, teraz wczyniona Roku Panskiego 1609» [Pieśń ..., 1609] («Песнь о тирании Шуйского, написанная лета Господня 1609») и крайне занимательный портрет главного героя этой политической «песни» — московского царя Василия Ивановича Шуйского. Это издание, носящее ярко выраженный пропагандистский характер, является доказательством того, что приемы «информационной войны» в начале XVII века оттачивались европейскими политиками во время вооруженных конфликтов и весьма умело играли на чувствах разных слоев населения. Поскольку текст данного произведения не был переведен на русский язык и практически не использовался исследователями (за исключением работ сотрудника отдела редкой книги РНБ И. А. Прохоренкова) [Прохоренков, 2024], в данной статье мы решили представить исторический анализ и полный перевод этого текста.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Польские летучие листки как отдельный вид старопечатных изданий рассматривались как отечественными, так и зарубежными (прежде всего польскими) исследователями с разных сторон. Прежде всего, польский ученый К. Завадский дал определение этому виду источников: это «стихотворное или прозаическое послание небольшого объема», которое «содержит новости об актуальных событиях» и, что самое важное, способно «разбудить широкий общественный интерес» [Zawadzki, 1972, S. 12—13; 2002]. Анализ изданных таким образом произведений проводился преимущественно в русле изучения стереотипных представлений о русских в польской шляхетской и мещанской среде, то есть с позиций вычленения «национальных стереотипов» в польском культурном пространстве. Среди польских исследователей стоит назвать А. Кемпинского [Kępiński, 1990] и А. Невяру [Niewiara, 2006], среди российских — В. В. Мочалову [Мочалова, 2002; 2007] и И. А. Прохоренкова.

Отметим, что «улетки» становились предметом коллекционирования любителей старины. Рассматриваемый нами источник попадает в середи-

не XVIII века в частное собрание польских просветителей братьев Юзефа и Анджея Залуских, перешедшее в собственность Речи Посполитой после их смерти в 1774 году. Известно, что братья переписывались и сотрудничали с потомками многих известных участников Смутного времени и Русско-польской войны 1609—1618 годов, в том числе с аристократами Яном Фредериком Сапегой и Юзефом Вандалином Мнишком [Kozłowski, 1986, S. 19], из чьих коллекций «Песнь о тирании Шуйского» и могла попасть в библиотеку Залуских. Примечательно, что, оценивая редкость изданий, Залуские проставляли на их титульном листе от одной до пяти «звездочек», где одна означала максимальную редкость. Рассматриваемому нами новостному листку было присвоено две «звездочки» (то есть «высокая степень редкости»). Последующие разделы Речи Посполитой способствовали поступлению собрания Залуских в формировавшуюся тогда Императорскую публичную библиотеку (впоследствии менявшую названия и в итоге преобразованную в РНБ). Далее собрание Залуских в результате Рижского мира 1921 года частично было возвращено польскому государству. «Песнь о тирании Шуйского» осталась в фондах РНБ и до настоящего времени, насколько нам известно, не была введена польскими учеными в научный оборот. Поскольку этот новостной листок подшит к произведению с известным авторством («Сердечный плач одной благородной пани, муж которой погиб в Москве при царице») Адама Владиславского (Вроцлавчика), мы предположим, что автором «Песни о тирании Шуйского» также является этот известный в Речи Посполитой мещанский поэт [Эйльбарт, 2017].

Используя историко-генетический и проблемно-хронологический методы, придерживаясь принципов научной объективности и историзма, опираясь на достижения предшественников в изучении данной проблемы, мы постарались вычлнить наиболее существенные акценты в стереотипном представлении о российской власти и русском народе в польской шляхетско-сарматской и мещанской, а также (поскольку на Западе черпали информацию из польских источников) в европейской культурной среде.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Современники о личности царя Василия Ивановича Шуйского

Прежде чем переходить непосредственно к анализу текста «летучего листка», необходимо представить исторический контекст его появления, а в частности, упомянуть о заговоре против самозванца Лжедмитрия I, в результате которого в 1606 году на московском троне оказался последний Рюрикович: царь Василий Иванович Шуйский. В ходе переворота произошло избиение польских и вообще иностранных гостей, приехавших в Москву вслед за невестой самозванца Мариной Мнишек. Дальнейшая

высылка из столицы оставшихся в живых не только не успокоила общество, а привела к еще большей смуте и бунтам под знаменами нового самозванца — Лжедмитрия II — и при значительной поддержке из Речи Посполитой. Как же видели современники событий человека, которому была посвящена рассматриваемая нами «Песнь»?

Современники-иностранцы удивительно согласны в своих характеристиках относительно царя Василия Шуйского, у которого, по их мнению, коварство, жестокость, скупость и неблагодарность сочетались с бездарностью в качестве военачальника и государственного деятеля. Например, польские послы Н. Олесницкий и А. Гонсевский писали королю Сигизмунду из Москвы в 1607 году: «Он ведет войну и так неудачно со своей стороны, что проиграл несколько значительных битв с большой потерей своих людей... И здесь в Москве большая часть людей желает сбросить его со своей шеи. Он начал это правление с великого кровопролития и великих убийств, он не только теряет много [их] людей на войне, но и бросает в тюрьмы, и своим не прощает, которых при подозрении топит, приказывает убивать, никого не жалея» [Письмо польских послов..., 2013]. Поляк С. Немоевский, прибывший в Москву на свадьбу Лжедмитрия I и Марины Мнишек, называл Шуйского «подлецом», «неблагодарным рабом», «над выей которого еще недавно стоял палач с топором и смиловивился над ним» [Записки Станислава Немоевского ..., 2006, с. 142]. Несмотря на весьма критическое отношение к Лжедмитрию I и его сторонникам, гетман С. Жолкевский в своих записках «Начало и успех Московской войны» подчеркивает сомнительность прав на престол царя Василия: «Столь самовольное овладение престолом не понравилось многим, что всегда случается: когда счастье кого-нибудь внезапно возвысит, тот не избежит от зависти тех, которые видели его равным себе» [Там же, с. 345]. Немецкий наемник Конрад Буссов характеризует царя Василия в нелестных выражениях, подчеркивая также, что он занял престол «без ведома и согласия Земского собора, одною только волею жителей Москвы, столь же почтенных его сообщников в убийствах и предательствах, всех этих купцов, пирожников и сапожников и немногих находившихся там князей и бояр, был повенчан на царство патриархом, епископами и попами, и присягнул ему весь город, местные жители и иноземцы» [Буссов, 1998, с. 82]; во многих местах Буссов называет Василия «цареубийцей». Голландец Элиас Геркман подчеркивал ненависть к Шуйскому простого народа: «Необходимость признать государем Шуйского, ненавидимого большей частью своих подданных, возбудила сильное неудовольствие в простом народе во многих городах, в особенности же в области Северной <...> в Путивле, где заперли в башню посланного туда знатного господина, и в Астрахани, где народ,

услышав имя Василия Шуйского, стал браниться и кричать: “Ужели же этот шубник станет нашим царем? Мы не хотим его принять, ибо признаем своим царем только Дмитрия”» [Геркман, 1998, с. 232], — а также отмечал его увлечение «страстью господства» [Там же, с. 223]. Шведский дворянин Петр Петрей передает слова заговорщиков во главе с Захаром Ляпуновым, которые выражали, по всей видимости, мнение уже подавляющей части русского дворянства: «Великий князь уже третий год как на царстве и не имеет ни счастья, ни благословения или победы, и все потому, что тайными, хитрыми или плутовскими проделками прокрался на царство. Сколько сотен тысяч старых и молодых, дворян и недворян, мужчин и женщин перешло из-за него от жизни к смерти! Кровапролитию и конца не будет, пока правление останется в его руках. Когда он или его братья вступали в бой или схватку, их всегда побеждали, а оттого страна приведена к гибели, и подданные погибали. Военному положению никогда не кончиться, пока он будет на царстве. А чтобы ожидать постоянного мира, всем быть единомышленными и готовыми помогать и содействовать общей пользе и благу отечества, для того надобно свести с царства великого князя с его братьями и всем сообща, с согласия всех сословий, духовных и светских, выбрать и поставить другого великого князя» [Петрей, 1997, с. 164]. Французский ротмистр-наемник Жак Маржерет, которому довелось вблизи наблюдать поведение вновь избранного царя, подчеркивает, что «против сказанного Шуйского после его коронации начались новые секретные козни», а сам царь среди собравшихся перед Кремлем москвичей «начал плакать, упрекая их в непостоянстве, и говорил, что они не должны пускаться на такую хитрость, чтобы избавиться от него» [Маржерет, 1986, с. 277—278].

Из этого стройного хора голосов обличителей пороков царя Василия и свидетелей неприязни к нему русских людей выбивается, однако, голос голландского купца Исаака Массы, назвавшего Шуйского «радетелем о благе отечества и религии», который «много раз подвергал жизнь свою опасности ради общего блага и преуспеяния отечества» [Масса, 1997, с. 106, 124]. Но, казалось бы, такая лестная характеристика не помешала автору подчеркнуть суеверность царя: «Царь не пожелал остаться в том великолепном дворце, где жил Дмитрий, страшась, что ему ночью явится дьявол, ибо Дмитрия все еще считали чародеем и потому покои, в которых он жил, были нечисты» [Там же, с. 139].

В сочинениях православных авторов, среди которых грек-епископ Арсений Елассонский, дьяк Иван Тимофеев (Иван Тимофеевич Семенов), неизвестный автор «Нового летописца», и князь Иван Михайлович Катырев-Ростовский, также значительно преобладает критическая оценка Василия Шуйского как человека и политика.

Иван Тимофеев, сравнивая Шуйского с двумя предыдущими царями, находил его еще ужаснее и считал жертвой страстей: «В годы, когда прекратился со смертью предел жизни царствующего над нами Бориса со всем его родом и когда поражен был гневом ярости Господней и убит рукой народа в царском [городе] Богом поупущенный нам Расстрига за то, что вместе с именем [Димитрия] так недостойно наследовал такое место, — после них тотчас же зависть к царствованию возникла также и у царя Василия, и, как стрелой подстреленный властолюбием первых, он поступил еще более дерзко, чем те двое: весьма неосмотрительно и спешно сел на престол, так как *не был искусен в этом*. Он создал себе дом и не углубил его в землю, но основал его только на песке, как это показал конец его, по слову Самой Истины: “разлились реки и подули ветры, здание сильно заколебалось и житель его пал”. Он поднялся внезапно и по собственному побуждению и без согласия всей земли сам поставил себя царем, и все люди были смущены этим скорым его помазанием [на царство]; этим он возбудил к себе ненависть всех городов своего государства. Отсюда, после первых [захватчиков], началось все зло на Руси и стали происходить в земле многие нестроения; именно — по всей земле нашей [началось] непослушание и самовластие рабов и осада городов, так что свои, одной с нами веры рабы, придя войском к матери городов [Москве], этим своим приближением к стенам города изменнически оказывали презрение самой главе царства, а нововоцарившийся [Василий Шуйский] со всем своим родом был ими заперт и затворен, как птица в клетке» [Тимофеев, 1951]. Отмечая избрание Василия на царство узким кругом заговорщиков, неизвестный автор «Нового летописца» подчеркивал его недальновидность как государя, мелочность и жестокость: «Царь же Василий после воцарения своего, не помня своего обещания, начал мстить людям, которые ему грубили, бояр, и думных дьяков, и стольников, и дворян многих разослал по городам на службу, а у иных многих поместья и вотчины отнял. За ту же неправду Бог на нас попустил, а враг действовал: вложил враг мысль людям украинских городов, что того Расстригу Бог уберег, а вместо него будто убили немчина, подобного ему лицом» [Новый летописец, 1997, с. 309]. Много лет проживший в Московском государстве, настоятель Архангельского собора Московского кремля грек Арсений Елассонский возлагал на Шуйского ответственность за беды, постигшие Московское государство: «Царь этот Василий оказался весьма скупым и неблагодарным, и не воздал почестей воинам и не дал обычных даров боярам и священникам, которые раздавали прежние цари, под тем предлогом, что его предшественник, царь Дмитрий, расточил царскую казну <...>. По этой причине быстро начались для него многие бедствия и создались поводы к многочисленным скандалам для него со стороны обиженных бояр и всего народа, провозгласивших,

что царь Дмитрий убежал» [Елассонский, 1997, с. 184]. В то же время князь И. М. Катырев Ростовский в «Написании вкратце о царях московских» наряду с недостатками подчеркивает и достоинства Шуйского: «Царь Василий возрастом мал, образом же нелепым, очи подслепы имея, книжному поучению доволен и в разсуждении ума зело смышен, скуп велми и неподатлив; ко единым же к тем тшание имея, которые во уши ему ложное на люди шептаху, он же сих веселым лицом восприимаше, и в сладость их послушати желаше, и к волхованию прилежаше, а о всех своих не радяше» [Катырев-Ростовский, 2024].

Таким образом, в глазах современников царь-заговорщик был не менее презираем, чем царь-самозванец, а суждения о нем соотечественников были порой даже более жесткими, нежели иностранцев. Вообще царя Василия Шуйского можно назвать весьма удачным объектом для тех политических сил в Польше, которые стремились демонизировать его образ и представить «ужасным тираном» в глазах собственных граждан.

3.2. Текст и иллюстративное украшение «летучего листка»

Донесения польско-литовских гостей, пострадавших во время свадебных торжеств Лжедмитрия I в Москве, а также слухи о непрочности власти Шуйского подвигли короля Сигизмунда III мечтать заполучить русскую корону и начать поход против Московского государства осенью 1609 года. Разумеется, этот шаг сопровождался и «информационной войной»: «летучие газеты» сообщали «гражданам Короны и Литвы» о необходимости устранить «тирана» и восстановить справедливость. «Песнь о тирании Шуйского» (предположительно авторства Адама Владиславского) воздействует на читателя широким арсеналом пропагандистских средств. На первой странице «улетки» мы видим огромный фантастический портрет царя Василия с выразительной символикой. Справа от него («на востоке») изображен силуэт Московского Кремля и защищающий крепость медведь с поднятой лапой, слева же (со стороны запада) — три оружейных ствола с вырывающимся из них языком пламени. На наш взгляд это художественно-изобразительная недвусмысленная угроза русской столице и Кремлю, как ее главной цитадели, со стороны наступающего с запада противника. Ружья направлены прямо в лицо царю, которому сознательно приданы черты азиатского деспота: широкие скулы и приплюснутый нос на протяжении длительного времени, вплоть до XX века, символизировали в польской изобразительной культуре восточную, татаро-монгольскую сущность «москалей» (как, например, на картине Яна Матейки «Батерий под Псковом» лица кланяющихся королю бояр носят ярко выраженные монголоидные черты). Костюм царя Василия на данном портрете довольно точно передает особенности одежды бояр и дворян: парчовый узорчатый кафтан

со стоячим воротником и опущенный мехом колпак должны убеждать читателя в правдоподобности всего, что было изложено в тексте новостного листка (отметим, что в те времена в Речи Посполитой существовало для жителей Московского государства насмешливое прозвище «колпаки», таким образом, этот головной убор в какой-то мере в их глазах определял русскую культурную идентичность). Вероятно, автор данного рисунка неоднократно видел при королевском дворе членов русского посольства, хотя портретное сходство данного изображения с настоящим царем Василием вызывает вопросы, однако полностью, разумеется, не исключено (вспомним, насколько точно изображали «летучие листки» Лжедмитрия I, тщательно вырисовывая даже его бородавки).

Текст «Песни о тирании Шуйского» написан, скорее всего, перед самым выдвижением войск короля Сигизмунда III из Орши к Смоленску, то есть в конце августа — начале сентября 1609 года:

«Пришел уже король под Оршу, роты прибывают...» (стих 64).

Печать «Песни», очевидно, заняла некоторое время, так что к началу осады Смоленска ее, по-видимому, уже читали «граждане Короны и Литвы». Автор ведет повествование от имени человека, прибывшего в Москву в свите Марины Мнишек, однако, на наш взгляд, это всего лишь художественный прием для большего убеждения читателя, которого должны были впечатлить ужасы избиения поляков, якобы пережитые неизвестным поэтом. Его цель — «расшевелить» чувства соотечественников, дабы они поддержали королевский поход на Московское государство вопреки страху, издавна испытываемому перед могущественным восточным соседом. Ее поэт добивается двумя художественными способами: «расчеловечивает» противника, приписывая ему все мыслимые и немыслимые грехи, и в то же время указывает на его слабость, ничтожество и бедность, обещая, что король «в три месяца дойдет до Москвы» с войском «в тридцать тысяч» (последняя цифра как минимум в три раза превосходит реальное число приведенных Сигизмундом III под Смоленск войск). Коварство, измена, жестокость — вот те качества, которыми автор наделяет не только самого Шуйского, но и в целом русский народ. Неоднократно поэт прибегает к сравнению царя Василия («заявшего трон незаконно») и герцога Карла Зюдерманландского (лишившего шведской короны своего племянника Сигизмунда III). Карл к тому времени был достаточно демонизирован польской пропагандистской литературой и являлся хорошо известным читателю: *Изменник друг изменнику в делах ужасных...* (стих 61) [Pieśń ..., 1609].

Царя он называет «завистливым», «жадным до крови», «безжалостным палачом», «архипалачом», который не пощадил не только поляков, но и собственных подданных:

*Свершив тиранство, сделался царем.
И сел в Москве, и взял сокровища, иных принудил дать,
А несогласным рубил он головы, казнил, четвертовал* (стихи 31—33)
[Pieśń ..., 1609].

Несмотря на то, что «лживый царь» «увлек предательских москалей» и повел их на убийство «наследника по праву» Лжедмитрия I, высшая кара не преминула постигнуть и правителя, и его народ, который уразумел свою роковую ошибку: собравшись под знамена «ложного царя», тушинцы опустошили московское государство, заставив людей роптать на своего государя:

*Все это против Шуйского. Из-за его измены
Сами москали начали роптать,
Кляня себя, что раньше шли за ним.*

*Они не могут надивиться многим чудесам,
Ведь больше тысяч ста уж сгнуло людей
Меж москвитян, младенцев не считая.*

*И жонок, и девиц, и серебра, и злата,
Коней, и денег, и одежд, расшитых жемчугом,
Все сгнуло, и подлость Шуйского тому виной* (стихи 40—48) [Pieśń ..., 1609].

Таким образом, королю и коронному войску, по логике поэта-пропагандиста, остается только довершить дело, помочь свершиться «божьему суду» над Шуйским, тем более что «хорошие русские» уже ему изменили и «ударил челом» Сигизмунду III:

*Пришел уже король под Орию, роты прибывают,
И приграничная «москва» его охотно принимает,
И до чего довел их Шуйский, говоря при том.*

*Четверо знатных воевод пристали к королю
И дали живности для всяческих потреб,
Били челом и до земли склонялись:*

*«Здрав будь, великий **господарь**, мы твои слуги,
Как поляки, мы **будем** твоей милости служить,
Не прикажи уж более по **голове** нас бить»* (стихи 64—72).

Для большей убедительности поэт использует в описании жизни в Московском государстве, а также в прямой речи послов к королю русские слова, записанные латиницей (которые мы в нашем переводе выделили курсивом): *деньги* (*dziag*), *будем* (*budem*), *господарь* (*hospodar*), *голова* (*holowa*).

«Низкопоклонству и лживости» со стороны русских, по-холопски просящих короля «не бить по голове», противопоставляется образ «благородных поляков», порой страдающих за свою доброту. Автор упоминает отца Марины Мнишек «добродетельного пана воеводу сандомирского», заступившегося в свое время за Шуйского, приговоренного Лжедмитрием I к казни, за что после, став царем, тот «поляков безжалостно убил». Соответственно, любые, даже самые сомнительные с моральной точки зрения поступки (как, например, провозглашение царем явного самозванца Лжедмитрия II) видятся пропагандисту допустимыми («благородная месть», «честные поляки»). Сам Сигизмунд III изображается «приветливым», «милостивым», которому «бог поможет в праведных делах».

Поскольку, как уже было сказано выше, данный «летучий листок» уже в XVIII веке был отнесен коллекционерами к редким, предположим, что он был напечатан небольшим тиражом и не имел сколько-нибудь широкого распространения на территории Речи Посполитой. Из соображений редкости и показательной ангажированности данного источника мы полностью перевели его на русский язык для дальнейшего использования в гуманитарных исследованиях.

3.3. Песнь о тирании Шуйского, написанная лета господня 1609 [Pieśń ..., 1609]: подстрочный перевод

*Услышите все о зверстве Шуйского-тирана.
Убил изменой он московского царя
Димитрия Ивановича, наследника по праву,*

*Ни Бога не боясь, не слушаясь и совесть.
Завистливое сердце уж не ташло доле измены,
Руками, жадными до крови, задуманное совершив.*

*Уже и ранее о том он думал, но Господь
Спас приговоренного Димитрием к казни,
И добродетельный пан воевода сандомирский*

*Вступился за него, вновь жизнь ему вернув.
Подумал он, что совершил благое, изменник же
Затем царя с поляками безжалостно убил,*

*Иных в застенки бросил без причин,
И шляхту знатную средь них, и воеводичей, и кастеляна.
Средь них, помилуй Боже, и царицу, и нас, кто был при ней,*

*От коих Небо приняло сочувственно стенанья,
А воздух всколыхнул всеобщий плач
И благородных женщин жалобы печальны.*

*Но Шуйского не тронули они, а сердце палача,
За что Московская страна заплатит,
Измыслило уж лживые упреки.*

*Смел обвинить поляков в том, что мир порушили.
Что дали им фальшивого царя рукой военной,
И царицу латинской веры им привели.*

*Тем он увлек предательских москалей, ему поверили
И в ночь в часу четвертом ворвались в царские покои,
Всех бывших там ножами заколов.*

*Стал Шуйский архипалачом, взяв тело из могилы,
Спалив его за городом и начинив сим пушку,
И выстрелить он в воздух приказал, чтобы развеять.*

*Свершив тиранство, сделался царем.
И сел в Москве, и взял сокровища, иных принудил дать,
А несогласным рубил он головы, казнил, четверговал.*

*Засим поляки честные под знаменем царя
Кричали дружно, что он спасся, хоть притворно.
Собрав большое войско, двинулись к Москве.*

*Сам Бог повел их дело, видя справедливость,
И много раз давал победу над москалем лживым,
Мстя за обиды братии своей.*

*Все это против Шуйского. Из-за его измены
Сами москали начали роптать,
Кляня себя, что раньше шли за ним.*

Они не могут надивиться многим чудесам,
Ведь больше тысяч ста уж сгнуло людей
Меж москвитян, младенцев не считая.

И жонок, и девиц, и серебра, и злата,
Коней, и денег, и одежд, расшитых жемчугом,
Все сгнуло, и подлость Шуйского тому виной.

Замки, веси и города обращены во прах,
И привезли различных ружей в лагерь,
Чтоб ими нашим мощно штурмовать Москву.

Табором они еще стоят под стольным градом,
И клятву твердую уж Богу принесли
Не отходить, пока Господь не даст победы полной.

Шуйский же упрямо на своем стоит.
А слыша, что король идет, тогда лишь испугался:
Принялся говорить о помощи он с Карлом.

И начал ты, пан Шуйский, трепетать:
Пока ты водишь дружбу с Карлом,
До той поры ты от поляков не ожидай добра.

Изменник друг изменнику в делах ужасных:
А королю поможет Бог во праведных делах
И отобьет у этих двух господ ретивое желанье.

Пришел уже король под Оршу, роты прибывают,
И приграничная «москва» его охотно принимает,
И до чего довел их Шуйский, говоря при том.

Четверо знатных воевод пристали к королю
И дали живности для всяческих потреб,
Били челом и до земли склонялись:

«Здрав будь, великий государь, мы твои слуги,
Как поляки, мы будем твоей милости служить,
Не прикажи уж более по голове нас бить».

*Король приветливо им милость оказал,
Велел он гетману Жолкевскому войска собрать,
В Лифляндию же пару тысяч выслать приказал.*

*Поскольку шведы быстрые туда приплыли морем,
В Парнаве, где живут поляки, учинив тревогу,
Но более того поляки наши там не допустили.*

*Ведь пан Ходкевич стоял недалеко там со своим отрядом,
И если б видел он насилие, то быстро б подошел.
Как швед узнал о нем, то быстро отступил.*

*Вайер¹ ведет людей из Пруссии, и кнехтов, и рейтар,
По Божьей милости и гетманы у короля отличны,
И старосты с ротмистрами и с господами прочими.*

*У короля всего уж войска тридцать тысяч,
Надеется в три месяца дойти он до Москвы
И с радостью вернется к нам, честь отдав Богу.*

*И с рыцарством честным поедет в Краков,
И набожно помолится он небу,
За победу благодаря, а мы ему поможем.
(Перевод наш. — Н. Э.).*

4. Заключение = Conclusions

Непериодическая европейская печать последней четверти XVI — начала XVII веков в виде «летучих ярмарочных листков», вывешиваемых на стенах ратуш и храмов и передаваемых читателями из рук в руки, является весьма ярким источником по выявлению культурных стереотипов в восприятии соседних государств, их правителей и народов. Число таких новостных форм резко возрастает на территории Речи Посполитой на заключительном этапе Ливонской войны, поскольку набиравшее силу Московское государство является не только военным и политическим, но и религиозным противником, примером успешной реализации идеи абсолютной монархии и жесткой вертикали власти, чего так боялось и что отвергало

1 Речь идет о Яне Якубе Вайере (Wajer, Wejher) (1580—1626), дворянине из Королевской Пруссии, старосте пуцком. Вместе с двумя братьями Людвигом и Мартином он привел под Смоленск отряд в 1400 ландскнехтов, которые в подавляющем большинстве погибли при осаде крепости.

польско-литовское дворянство, воспитанное и взращенное в конфедеративном государстве в условиях выборности монарха. Культурно-политическая «инаковость» московских государей и русского народа подвергается осуждению и насмешкам польских авторов, клеймящих правителей как «тиранов» и «палачей», а «москалей» как «лживых изменников» и «рабов». Подобные нарративы повторяются и в «Песне о тирании Шуйского», предположительно отнесенной нами к авторству Адама Владиславского (Вроцлавчика), который специализировался на написании пропагандистских стихов «малой литературной формы». Из неудачливого политика, царя Василия Шуйского, чью неспособность к управлению отмечало большинство современников, поэт делает «архипалача», угрожающего Речи Посполитой союзом с ее давним противником — шведским королем Карлом IX. Как сам Шуйский, так и весь русский народ видится автору не в славянской, но в монголо-татарской культурной парадигме, и даже портрет царя Василия Ивановича, помещенный на первой странице «летучего листка», подчеркивает азиатскую внешность (видимо, и сущность) русского монарха. Поскольку именно Речь Посполитая являлась в то время основным поставщиком информации относительно Московского государства для остальной Европы, мы считаем, что отраженные в «Песни ...» стереотипы носили не только польско-литовский, но и общеевропейский характер. К сожалению, отголоски данных стереотипов мы наблюдаем в западной периодической печати по сегодняшний день.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Буссов К. Московская хроника / К. Буссов // Хроники Смутного времени. — Москва : Фонд Сергея Дубова, 1998. — С. 82.
2. Герберштейн С. Записки о Московии : в 2 т. / С. Герберштейн. — Москва : Памятники исторической мысли, 2008. — Т. 1. — 776 с.
3. Геркман Э. Историческое повествование о важнейших смутах в государстве Русском, виновником которых был царевич князь Дмитрий Иванович, несправедливо называемый самозванцем / Э. Геркман // Хроники Смутного времени. — Москва : Фонд Сергея Дубова, 1998. — С. 223—232.
4. Елассонский А. Мемуары из русской истории / А. Елассонский // О начале войн и смут в Московии. — Москва : Фонд Сергея Дубова, 1997. — С. 184.
5. Записки Станислава Немоевского (1606-1608). Рукопись Жолкевского / С. Немоевский, С. Жолкевский. — Рязань : Александрия, 2006. — С. 142, 345. — ISBN 5-94460-029-2.
6. Катырев–Ростовский И. М. Написание вкратце о царях московских. [Электронный ресурс] / И. М. Катырев–Ростовский. — Режим доступа : <https://constitutions.ru/?p=18657&ysclid=m2tmvqwb0896918450> (дата обращения 29.10.2024).

7. *Маржерет Ж.* Состояние Российской империи и Великого княжества Московии / Ж. Маржерет // Россия XV—XVII вв. глазами иностранцев. — Ленинград : Лениздат, 1986. — С. 277—278.

8. *Масса И.* Краткое известие о начале и происхождении современных войн и смут в Московии, случившихся до 1610 года за короткое время правления нескольких государей / И. Масса // О начале войн и смут в Московии. — Москва : Фонд Сергея Дубова, 1997. — С. 106, 124, 139.

9. *Новый летописец* // О начале войн и смут в Московии. — Москва : Фонд Сергея Дубова, 1997. — С. 309.

10. *Петрей П.* История о великом княжестве Московском, происхождении великих русских князей, недавних смутах, произведенных там тремя Лжедмитриями, и о московских законах, нравах, правлении, вере и обрядах, которую собрал, описал и обнародовал Петр Петрей де Ерлезунда в Лейпциге 1620 года / П. Петрей // о начале войн и смут в Московии. — Москва : Фонд Сергея Дубова, 1997. — С. 164.

11. *Письмо* польских послов Н. Олесницкого и А. Гонсевского Сигизмунду III из Москвы от 20 апреля 1607 г. // Смутное время в польских документах государственного архива Швеции : Комментированный перевод и исторический анализ. — Новосибирск : [б. и.], 2013. — С. 103.

12. Тимофеев, 1951 — *Временник* Ивана Тимофеева [Электронный ресурс] / Подгот. к печати, пер. и коммент. О.А. Даржавиной ; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. — Изд. Академии наук СССР. — Москва — Ленинград : 1-я тип. Изд-ва Академии наук СССР, 1951. — 524 с. (Литературные памятники). — Режим доступа : https://azbyka.ru/otechnik/Ivan_Timofeev/vremennik/2 (дата обращения 29.10.2024).

13. *Pieśń o tyraństwie Szuyckiego, teraz wczyniona Roku Panskiego 1609* // Российская национальная библиотека, шифр 13.IX.2.877.

Литература

1. *Мочалова В. В.* Представления о России и их верификация в Польше, XVI—XVII вв. / В. В. Мочалова // Россия — Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре. — Москва : Индрик, 2002. — С. 44—64.

2. *Мочалова В. В.* Представления поляков о русских в XVII в. / В. В. Мочалова // Россия в глазах славянского мира. — Москва : Институт славяноведения РАН, 2007. — С. 39—71. — ISBN 5-7576-0192-2.

3. *Неменский О. Б.* Поляки и русские : народы разных времен и разных странств / О. Б. Неменский // Вопросы национализма. — 2010. — № 3. — С. 24—37.

4. *Прохоренков И. А.* Война образов и концептов : у истоков антироссийской пропаганды [Электронный ресурс] / И. А. Прохоренков, М. А. Шibaев. — Режим доступа : <https://nlr.ru/elibrary/RA4951/voyna-obrazov-i-kontseptov> (дата обращения 09.11.2024).

5. *Прохоренков И. А.* Военная и политическая агитация Речи Посполитой против Ивана Грозного : по материалам разножанровых литературных памятников эпохи Ливонской войны / И. А. Прохоренков, Н. В. Эйльбарт // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 6. — С. 432—448. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-432-448.

6. *Таньшина Н. П.* Русофобия : История изобретения страха / Н. П. Таньшина. — Москва : Концептуал, 2024. — С. 128—136. — ISBN 978-5-907624-82-5.

7. *Эйльбарт Н. В.* Отражение событий Смутного времени в польской поэзии первой четверти XVII века (на примере творчества Адама Владиславского) / Н. В. Эйльбарт // Научный диалог. — 2017. — № 1. — С. 215—225.

8. *Kępiński A.* Lach i Moskal. Z dziejów stereotypu / A. Kępiński. — Warszawa : Państwowe Wydawnictwo naukowe, 1990. — 221 s.
9. *Kozłowski J.* Szkice o dziejach biblioteki Załuskich. / J. Kozłowski. — Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk : Copyright by Zakład Narodowy im. Ossolińskich — Wydawnictwo, 1986. — S. 19. — ISBN 83-04-02244-3.
10. *Niewiara A.* Moskwin — Moskal — Rosjanin w dokumentach prywatnych : portret / A. Niewiara. — Łódź : Wydawnictwo Ibidem, 2006. — 184 s.
11. *Zawadzki K.* Szesnastowieczne gazety ulotne polskie i Polski dotyczące / K. Zawadzki // *Rocznik Historii Czasopiśmiennictwa Polskiego.* — 1972. — № 11 (1). — S. 12—13.
12. *Zawadzki K.* Początki prasy polskiej : gazety ulotne i seryjne XVI—XVIII wieku / K. Zawadzki. — Warszawa : Bibl. nar., 2002. — 440 s. — ISBN 83-7009-358-2.

Статья поступила в редакцию 17.02.2025,
одобрена после рецензирования 18.04.2025,
подготовлена к публикации 17.06.2025.

Material resources

- Bussov, K. (1998). The Moscow Chronicle. In: *Chronicles of the Time of Troubles*. Moscow: Sergei Dubov Foundation. P. 82. (In Russ.).
- Elassonsky, A. (1997). Memoirs from Russian history. In: *About the beginning of wars and troubles in Muscovy*. Moscow: Sergei Dubov Foundation. P. 184. (In Russ.).
- Gerberstein, S. (2008). *Notes on Muscovy: in 2 volumes, I*. Moscow: Monuments of historical thought. 776 p. (In Russ.).
- Herkman, E. (1998). A historical narrative about the most important troubles in the Russian state, the culprit of which was Tsarevich Prince Dmitry Ivanovich, unfairly called an impostor. In: *Chronicles of the Time of Troubles*. Moscow: Sergei Dubov Foundation. 223—232. (In Russ.).
- Katyrev–Rostovsky, I. M. *Writing briefly about the Tsars of Moscow*. Available at: <https://constitutions.ru/?p=18657&ysclid=m2tmvqwb0896918450> (accessed 29.10.2024). (In Russ.).
- Letter of Polish Ambassadors N. Olesnitsky and A. Gonsesky to Sigismund III from Moscow dated April 20, 1607. In: *Time of Troubles in Polish documents of the Swedish State Archive: Commented translation and historical analysis*. Novosibirsk: [b. i.]. P. 103. (In Russ.).
- Margeret, J. (1986). The state of the Russian Empire and the Grand Duchy of Muscovy. In: *Russia of the XV—XVII centuries through the eyes of foreigners*. Leningrad: Lenizdat. 277—278. (In Russ.).
- Massa, I. (1997). A brief account of the beginning and origin of modern wars and troubles in Muscovy that occurred before 1610 during the short reign of several sovereigns. In: *About the beginning of wars and troubles in Muscovy*. Moscow: Sergei Dubov Foundation. 106, 124, 139. (In Russ.).
- New Chronicler. (1997). *About the beginning of wars and troubles in Muscovy*. Moscow: Sergei Dubov Foundation. P. 309. (In Russ.).
- Notes by Stanislav Nemoevsky (1606—1608). The Zholkevsky Manuscript.* (2006). Ryazan: Alexandria. 142, 345. ISBN 5-94460-029-2. (In Russ.).
- Petrei, P. (1997). The story of the Grand Duchy of Moscow, the origin of the great Russian princes, the recent troubles caused there by three False Dmitriy, and about Moscow's laws, customs, government, faith, and rituals, which Peter Petrei de Erlezund col-

- lected, described, and published in Leipzig in 1620. In: *About the beginning of wars and troubles in Muscovy*. Moscow: Sergei Dubov Foundation. P. 164. (In Russ.).
- Pieśń o tyraństwie Szuyjskiego, teraz wczyniona Roku Panskiego 1609. *Russian National Library, code 13.IX.2.877*. (In Russ.).
- Timofeev, 1951 — Adrianova-Peretz, V. P. (ed.). Ivan Timofeev's Timeline [Vremennik] (1951). Moscow–Leningrad: 1st Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 524 p. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Ivan_Timofeev/vremennik/2 (accessed 29.10.2024). (In Russ.).

References

- Eilbart, N. V. (2017). Reflection of the events of the Time of Troubles in Polish poetry of the first quarter of the 17th century (on the example of Adam Vladislavsky's work) *Nauchnyi dialog, 1*: 215—225. (In Russ.).
- Kępiński, A. (1990). *Lach i Moskal. Z dziejów stereotypu*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo naukowe. 221 s. (In Polish.).
- Kozłowski, J. (1986). *Szkice o dziejach biblioteki Żalskich*. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk: Copyright by Zakład Narodowy im. Ossolińskich — Wydawnictwo. S. 19. ISBN 83-04-02244-3. (In Polish.).
- Mochalova, V. V. (2002). Representations of Russia and their verification in Poland, XVI—XVII centuries. In: *Russia — Poland. Images and stereotypes in literature and culture*. Moscow: Indrik. 44—64. (In Russ.).
- Mochalova, V. V. (2007). The Poles' ideas about Russians in the 17th century. In: *Russia in the eyes of the Slavic world*. Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. 39—71. ISBN 5-7576-0192-2. (In Russ.).
- Nemensky, O. B. (2010). Poles and Russians: peoples of different times and different spaces. *Issues of nationalism, 3*: 24—37. (In Russ.).
- Niewiara, A. (2006). *Moskwiczin — Moskal — Rosjanin w dokumentach prywatnych: portret*. Łódź: Wydawnictwo Ibidem. 184 s. (In Polish.).
- Prokhorenkov, I. A., Eylbart, N. V. (2023). Military and Political Agitation of Polish-Lithuanian Commonwealth against Ivan Terrible (Materials of Various Literary Monuments of Livonian War Era). *Nauchnyi dialog, 12 (6)*: 432—448. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-432-448. (In Russ.).
- Prokhorenkov, I. A., Shibaev, M. A. *The war of images and concepts: at the origins of anti-Russian propaganda*. Available at: <https://nlr.ru/elibrary/RA4951/voyna-obrazov-i-kontseptov> (accessed 09.11.2024). (In Russ.).
- Tanshina, N. P. (2024). *Russophobia: The story of the invention of fear*. Moscow: Conceptual. 128—136. ISBN 978-5-907624-82-5. (In Russ.).
- Zawadzki, K. (1972). Szesnastowieczne gazety ulotne polskie i Polski dotyczące. *Rocznik Historii Czasopiśmiennictwa Polskiego, 11 (1)*: 12—13. (In Polish.).
- Zawadzki, K. (2002). *Początki prasy polskiej: gazety ulotne i seryjne XVI—XVIII wieku*. Warszawa: Bibl. nar. 440 s. ISBN 83-7009-358-2. (In Polish.).

*The article was submitted 17.02.2025;
approved after reviewing 18.04.2025;
accepted for publication 17.06.2025.*